

Полуденное солнце пробивалось сквозь огромные панорамные окна, заливая танцевальный зал ярким, прозрачным светом.

Цзян Сюнь провел здесь уже почти три часа, отрабатывая сложнейшую связку из нескольких сальто для предстоящего гастрольного тура. Пот пропитал его челку и, стекая по линии подбородка, падал на гладкий пол, оставляя маленькие темные пятнышки.

Лу Линь стоял в коридоре за пределами танцевального зала. Сквозь стеклянную стену его спокойный взгляд был прикован к фигуре внутри, которая раз за разом разбегалась, прыгала, вращалась и приземлялась. Это не входило в его привычный маршрут патрулирования, но он задержался здесь уже довольно давно.

Очередная попытка.

Цзян Сюнь набрал скорость, взмыл в воздух, тело вытянулось в струну. Первое сальто вышло безупречным, но второе... При приземлении, в момент переноса веса, нога предательски скользнула, и он с глухим стуком тяжело рухнул на пол.

Брови Лу Линя едва заметно дрогнули. Он видел, как Цзян Сюнь замер, не двигаясь, и лишь спустя несколько секунд, опираясь на руки, медленно и без единого звука поднялся. Он тряхнул головой, разбрызгивая пот; было видно, как от боли подергиваются уголки его губ, а глаза мгновенно налились кровью. Однако он лишь глубоко вздохнул, сделал глоток воды и снова вернулся на исходную точку.

Музыка заиграла вновь. Разбег, прыжок...

Бах!

Снова падение. В этот раз он приземлился на бок — судя по звуку, было еще больнее. Цзян Сюнь свернулся на полу, и только спустя полминуты, стиснув зубы, заставил себя подняться. Его тренировочная майка на спине промокла насквозь и плотно прилипла к коже, подчеркивая дрожащие линии мышц.

Лу Линь смотрел, как он падает и молча поднимается снова и снова. В глазах, обычно полных дерзости или вызова, сейчас осталась лишь почти маниакальная сосредоточенность и упрямое, яростное нежелание проигрывать.

Когда Цзян Сюнь в очередной раз замер, стирая пот, заливавший глаза, и приготовился продолжить, его взгляд случайно скользнул за стеклянную стену. Он увидел фигуру, стоявшую снаружи — прямую, неподвижную, словно вросшую в пол. Это был Лу Линь.

Смешанное чувство досады и жажды доказать свою правоту захлестнуло его. Цзян Сюнь резко отвернулся, больше не глядя в ту сторону. Он глубоко вдохнул, в его глазах вспыхнул еще

более яркий огонек, и, движимый отчаянным упрямством, он снова рванул к точке старта.

Темп музыки ускорился. Движения Цзян Сюня стали размашистее, сила — мощнее. Он работал на пределе, даже за его обычными рамками, почти доводя себя до изнеможения.

Бах! Бум!

Звуки падений следовали один за другим, становясь все тяжелее. Дыхание Цзян Сюня стало тяжелым и прерывистым, щеки покрылись нездоровым румянцем от перенапряжения и нехватки кислорода, а на полу уже скопилась целая лужица пота.

Лу Линь, стоя за дверью, наблюдал за этой фигурой — неумолимой, но явно работающей на износ. Его брови хмурились все сильнее. Он видел, что техника Цзян Сюня начала ломаться, контроль над телом был потерян: это была уже не тренировка, а акт саморазрушения, способ выплеснуть эмоции или наказать самого себя.

Наконец, после крайне неудачного приземления, в левой лодыжке Цзян Сюня пронзила острая боль — дала о себе знать старая травма. Он глухо застонал, мгновенно потерял равновесие и, не в силах устоять, рухнул на колени, лишь чудом удержавшись на руках, чтобы не растянуться на полу окончательно.

В этот раз он не смог подняться сразу. Резкая боль в лодыжке заставила его лоб покрыться холодным потом, а лицо — мгновенно побледнеть. Он попытался пошевелить ногой, судорожно вдохнул, и от боли у него потемнело в глазах.

Дверь танцевального зала с грохотом распахнулась. Лу Линь широкими шагами вошел внутрь; его шаги гулко отдавались в пустом зале. Он подошел прямо к Цзян Сюню и опустился перед ним на корточки.

— Не двигайся.

В голосе Лу Линя звучала тревога. Его взгляд упал на левую лодыжку Цзян Сюня, которая неестественно вывернулась и на глазах начала опухать и краснеть. Цзян Сюнь, у которого дрожали губы от боли, попытался отстраниться, не желая принимать помощь.

— Я... я в порядке... не твое дело!

Его отказ прозвучал слабо и неубедительно. Лу Линь проигнорировал упрямство парня и, протянув руку, быстро осмотрел лодыжку.

— Старая травма, повреждение мягких тканей.

Вердикт Лу Линя был холодным и отрезал любые попытки Цзян Сюня обмануть самого себя. Не дожидаясь реакции, Лу Линь наклонился, подхватил его одной рукой под коленями, другой — под спиной, и одним решительным движением поднял на руки.

— А! Что ты делаешь? Опустим меня!

Оказавшись в воздухе, Цзян Сюнь испуганно вскрикнул и инстинктивно начал вырываться. Положение полной беспомощности вызвало у него жгучий стыд и панику, особенно учитывая, что держал его именно Лу Линь.

— Не дергайся.

Руки Лу Линя даже не дрогнули от его сопротивления. Он понес Цзян Сюня к выходу, произнеся низким голосом:

— Хочешь, чтобы эта нога окончательно отказала?

Цзян Сюнь опешил от серьезности его слов. Он перестал брыкаться, но сдаваться на словах не собирался:

— Даже если откажет — это мои проблемы! Я могу идти сам!

— Можешь идти? — Лу Линь опустил на него взгляд, который ясно давал понять: какую чушь ты несешь? — Собираешься допрыгать на одной ноге отсюда до места, где есть лед, чтобы окончательно добить травму?

Цзян Сюнь не нашелся что ответить. Он сердито отвернулся, чувствуя, как уши предательски краснеют. Вынужденная близость, тепло тела Лу Линя, тонкий аромат чистоты и едва уловимый запах пота — все это заставляло его чувствовать себя крайне неловко.

Лу Линь донес его до зоны отдыха, где хранилась аптечка. Он осторожно усадил Цзян Сюня на диван, вытянув травмированную ногу.

— Я сам... — Цзян Сюнь попытался отстоять остатки самостоятельности.

Но Лу Линь уже открыл аптечку и достал пакет со льдом и эластичный бинт. Опустившись на одно колено перед диваном, он обхватил лодыжку Цзян Сюня. Его ладони — теплые, сухие, с мозолями от постоянных тренировок — при прикосновении к холодной опухшей коже вызвали странное ощущение. Цзян Сюнь напрягся, пальцы ног невольно поджались.

— Потерпи.

Лу Линь приложил обернутый лед к покрасневшей лодыжке. Жгучий холод пронзил кожу, облегчая боль, но заставил Цзян Сюня вздрогнуть. Лу Линь профессионально и быстро зафиксировал лед бинтом. Все это время он не проронил ни слова, полностью сосредоточившись на лечении.

Цзян Сюнь, откинувшись на спинку дивана, смотрел на опущенные веки Лу Линя. Его сосредоточенное выражение лица было точно таким же, как когда он осматривал его ожоги ранее. В душе парня бурлила целая гамма сложных чувств.

Онемение от льда постепенно расходилось по ноге. В зале воцарилась тишина, слышно было только их ровное дыхание. Спустя долгое время Лу Линь поднял голову и посмотрел на по-прежнему бледное лицо Цзян Сюня.

— На сегодня тренировки закончены. В ближайшие три дня никаких нагрузок, я прослежу за этим.

Цзян Сюнь открыл рот, собираясь возразить, сказать, что он еще может, что репетиции нельзя прерывать. Но, встретившись с взглядом Лу Линя и почувствовав пульсирующую боль в лодыжке, он проглотил слова.

Он отвернулся и глухо буркнул:

— Ладно.

<http://bllate.org/book/19534/1915449>